

Алеко-далеко, на берегу реки Паль, которая своим чередом впадает в полноводную Печору, в одной деревушке жили-были старик со старухой. Жили они долго и ладно, да только мало было в их доме радости, острой занозой засела в сердце печаль, потому что не было у них детей. И к знахарям старик со старухой ходили, и Богу денно и ночью с усердием молились, да все напрасно. Год за годом проходил, зима сменялась летом, молодая зелень сухим листом на землю осыпалась, а старики все так же вдвоем свой век коротали. Люди в деревне поговаривали: Маланья-повитуха, мол, сглазила, потому что дед в молодости не на ней женился.

Долго ли, коротко ли, но дошли до Бога моления-просьбы старика со старухой: родился у них сын. Бог благословил. А повитухой пришлось опять Маланью звать: другой повитухи в деревеньке не было.

Очень радостно мужу с женой — день и ночь с лица улыбка не сходит, так и светятся от долгожданного счастья. Назвали сына Шундыр, что означает «озорник». Каждую минуту подходят родители к люльке, смотрят, как у них сыночек растет.

Да не тут-то было. Месяц прошел, второй, третий, а сыночек не растет. Вот и год пролетел. Шундыр уже и на ноги встал, и отца-мать знает, и первые слова проговари-

вает. А росточком все такой же, какой и родился, ни на вершок не подрос. В свое время разговаривать начал, изо дня в день ума набирается, как и сверстники, а все маленький. Так и не вырос Шундыр: каким родился — таким и остался.

Быстрый, шустрый, боевой, разговорчивый, только маленький. Быстрый, как рысь, и ловкий, как белка: то на печку залезет, то на полати заберется. Только что по скамейке туда-сюда бегал, а смотришь, он уже за перекладину держится, качается. Полностью свое имя оправдал! Шундыр! Озорник! Успокаивается только, когда спит или на подоконнике засидится. Сидит, смотрит на улицу, тогда только тихо себя ведет. Долго сидит там и думает что-то свое. Хочется ему выйти из дому, посмотреть вокруг и узнать, что там, вдали.

Но на улицу старик со старухой сына не пускают: боятся потерять. А что, такой маленький войдет в траву и потеряется. Она ведь для него все равно что лес дремучий, а старик со старухой уже не могут за ним бегать. Да что там трава, даже в доме иногда потеряется, да так, что мужу с женой приходится его искать до вечера. То за шкаф спрячется, то за чугунок с картошкой. А однажды в предпечье забрался и уснул там. Вечером, когда дрова в печь закладывать стали, только тогда и нашли. В другой раз случилось, в ведро с водой — бульк! — и упал, чуть не

утонул. Как же его посмеешь на улицу отпустить? В баню его и то водят только за пазухой, помоют, попарят старик со старухой и обратно по дому отведут.

Так и живут-поживают. Не растет сынок, да и ладно, никому о нем и словечком не обмолвятся. Даже Маланью предупредили, мол, не рассказывай людям про нашего сыночка. Не растет, да так уж как-нибудь тайком будем растить, чтобы не дразнились да не насмехались.

Однажды тетка Маланья пришла навестить и сказала ворчливо: вы бедного Шундыра на солнце никогда не выводили, вот он, как трава в тени, и не растет. Подумали-подумали старик со старухой, а может быть, так и есть. Ведь, в самом деле, боялись косых взглядов и ни разу не выводили на солнышко. Давай, мол, попробуем, выведем.

Сказано — сделано. Скосили траву около дома, чтобы в траве Шундыр не затерялся, постелили одеяло да туда и посадили сыночка. Для надежности за край рубашки пояском к себе привязали, чтобы далеко не убежал. Муж с женой рядом, присматривают. Кот по кличке Вис тоже возле них клубком свернулся да уши торчком выставил.

Жаркий выдался день. Ни ветерка, ни облачка. Сидят на одеяле, бездельничают, томятся под яркими лучами солнца. Разморило старика со старухой, зевают друг за другом, чуть челюсти с места не соскакивают. Так и сами не заметили, как уснули оба.

Как только озорник Шундыр это заметил, мешкать не стал, тут же снял с себя рубашку и кинул на одеяло, а поясок привязал за лапку кота. Сам побежал за дом, оттуда шмыгнул за баню и оказался на воле.

Вокруг зеленая трава растет, желтые одуванчики цветут. Радуетесь Шундыр, бегаёт вприпрыжку. А старик со старухой спят себе, посапывают, проснутся — трук-трак! — подергают веревочку: здесь сыночек. Только Вис недовольно мяукнет, и опять тишина.

Проснулись старик со старухой уже после захода солнца, глядь туда-сюда, а Шундыра-то и нету. Кота, оказывается, за лапу дергали все это время. Ох и испугались тут муж с женой, большой шум друг на друга подняли! Тридцать лет вместе мирно жили да впервые так крепко переругались. Друг на друга ссылаются-препираются, кто из них раньше уснул. Виноватого промеж себя искали-искали да потом догадались все же, кинулись искать сыночка. Все кругом обошли, нигде Шундыра нет, нигде не нашли. Кто его знает, где он. Плачут старики, печалются сильно. Вокруг дома искали, около бани, к соседям выходили — нигде нет.

Так и пропал Шундыр.

А мальчонке-то что? Не понимает еще, что он отцу-матери горе принес. Резвится-бегает себе по траве, росточком наравне с цветами, людям его и не видно. Бегал, бегал и по дороге, и поперек дороги до устали. Вдруг заметил, кто-то на него пристально смотрит. Ого! Ой, какое неведомое страшилище! В черной густой шерсти, с широким приплюснутым носом, с кривыми рогами, на тонких ножках.

Такого дива Шундыр еще никогда не видел. Ох и испугался же малец! Кинулся было бежать, а страшилище легко догнало и опять смотрит на него черными глазами. Затем тонкой ножкой приударило да рогами боднуло. Шундыр от удара кубарем скатился в траву, да тут же, ох и рассердился, кровь в нем вскипела. Встал, подошел к обидчику и цепко схватился обеими руками за шерсть страшилища. А тот и сам от такого нежданного оборота перепугался и — гуп-гуп! — кинулся бежать. Бежит, а Шундыр так и висит репьем на нем, за шерсть намертво уцепился.

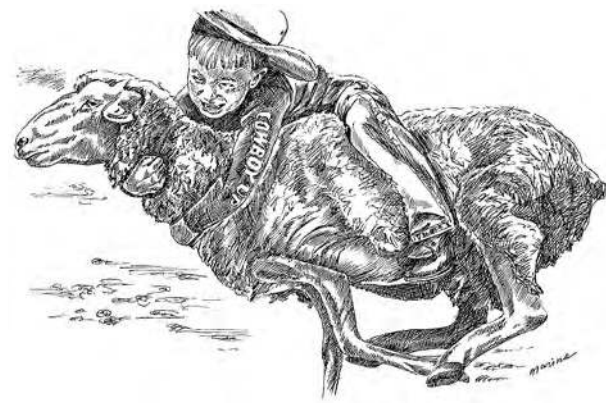
Руки разжать боится, чтобы задние ноги не попасть. Затем, держась за шерсть, ловко перебирая руками, поднялся вверх, сел страшилищу на спину и взялся за рога. Баран это был. Сидит Шундыр на нем, смотрит кругом: как далеко все видно! Окрест зеленый луг с цветами, налево лес, а справа река виднеется. Баран бежит, задними ногами подпрыгивает, старается сбросить седока Шундыра, но никак не может. Так Шундыр на спине барана попал в соседнюю деревню, в овечий хлев.

Хозяйка овечьего стада и не заметила его: принесла ведро помоев, налила в корыто и домой ушла. Овцы с шумом попили, почавкали-поели, а мальчик голодный остался. Когда все овцы улеглись, тогда только Шундыр отцепился от рогов барана и слез с него, подошел к корыту, но оно было пустое. Лишь около корыта овцы обронили два кусочка хлеба, их только в рот и положил, ну да маленькому-то много ли надо? Поискал глазами среди овец знакомого барана, на чьей спине весь день катался да оглядывал окрестности, прилег к нему, в теплую шерсть носом уткнулся и заснул.

Так от усталости крепко спал, что даже не заметил, когда стадо овец ушло на пастбище. Проснулся Шундыр один в хлеву. Пить хочется. А в корыте ничего нет, утреннюю еду опять до капли выпили-вылизали овцы. И дверь наглухо закрыта.

Как же такому шустрому да озорному Шундыру и вдруг просидеть целый день в хлеву? Не бывать этому! В окошечко протиснулся, вылез и сбежал. Огляделся вокруг — все незнакомое, а как же иначе, он же в другом селении.

На дворе самая макушка лета, жара стоит нещадная, капли воды нигде нет. Ни лужицы, ни росинки. У маль-

чишки так в горле пересохло, что даже слюны во рту не осталось.

Вдруг он услышал хрюканье. Пошел на звук, смотрит: кто-то очень большой лежит, хрюкает, а вокруг живота такие же розоватые, только маленькие двигаются, толкаются, соски ищут. Шундыр это дело тоже еще не забыл, да и очень уж пить хотелось. Зашел он за изгородь, лег к маленьким и присосался к одной соске. Таким вкусным оказалось молочко свиньи, наелся и уснул там.

Вскоре хозяйка свиньи принесла ей пить и увидела Шундыра. Очень сильно испугалась, кричать начала: ойя да ойя, мол, приходите, добрые люди, посмотрите, посмотрите, моя свинья на человека похожего детеныша родила.

Собрались взрослые и дети. Глазам верить боятся, дивуются небывалому: и правда, свинья родила на человека похожего детеныша. А шуму-то, гаму вокруг! Вся деревня всполошилась. А Шундыр спит себе и спит, ртом за соску свиньи держится, ничего не слышит. Наконец люди осмелели да и взяли его, оттащили от соски. Тогда только Шундыр проснулся, глаза открыл и говорит: «О, как я долго спал!»

Тут все жители вмиг от изумления замолчали. Как языки проглотили! Вот ведь диво-то какое! Разговаривает! Старики-старухи перекрестились, мол, сколько на свете уже живем, а такого дива не видывали. Вот ведь что может быть: поросенок может говорить, совсем как человек!

Потом опять засуетились люди, зашумели, заволновались: что же с ним будем делать? Одни говорят: надо его сжечь, это, мол, не к добру, а к беде неминучей. Другие говорят: пусть живет, каждое живое существо Богом дано. Такому маленькому много еды не надо, всей деревней будем растить, по неделе каждый будем держать. А хозяйка, которая первой обнаружила Шундыра, говорит:

— Нет, никому не отдам мальчонку, сама его буду растить, может, еще какое счастье мне с ним привалит или богатство, — взяла Шундыра и завела в дом.

Богатство и принес Шундыр. Всем хочется посмотреть на диво дивное, а ведь просто так, без заделья, не зайдешь в чужой дом. Вот и несут хозяйке: кто свиной жир, кто мяса кусок, кто рыбу, кто кашу с растопленным маслом, кто шерсть овечью, кто шерстяных ниток клубок. Если с едой какой зайдешь или что-то полезное в дом принесешь — хозяйка сразу добрее станет, не выгонит с порога. Шундыр хорошо живет, крепким и сильным становится изо дня в день. Но... не растет. Вспомнит иногда, где-то же, мол, у меня мать с отцом есть. Над ним в ответ смеются, на свинью показывают, вот, мол, твоя мамаша, а отца давно уж нет, на мясо закололи.

В родной деревне отец с матерью Шундыра печалются, каждый день плачут: вот, дал нам Бог ребеночка и обратно взял...

Долго ли, коротко ли, но однажды и до них весть дошла: в соседней деревне свинья человека родила. Старикау со старухой тоже захотелось посмотреть на такое диво:

оделись-принарядились, гостинцы для хозяйки взяли и отправились в соседнюю деревню.

Сидел на подоконнике Шундыр, завидел их и говорит: — О! Мой отец и маманька идут.

Над ним опять смеются-потешаются: да-да, говорят, как же, сейчас свинья с боровом в дом зайдут.

Зашли старик со старухой. Шундыр к ним кинулся:

— Здравствуй, отец! Здравствуй, маманька!

Старые муж с женой только руками от неожиданности всплеснули:

— Шундыр, сто раз золотой сынок, единственный, ты здесь?

Обнялись, поцеловались, домой собрались.

А хозяйка не пускает. Это, говорит, моя свинья родила, двенадцатый ее поросенок. У вас, говорит, никогда никого не было, ни дочери, ни сына. Не отдам и все. Ступайте, откуда пришли.

Пришлось старикам несолоно хлебавши, с пустыми руками домой возвращаться да с поклоном к Маланье обратиться, попросить:

— Сходи, Маланья, в соседнюю деревню, ты ведь повитуха, скажи, что Шундыр наш сын.

Сходила Маланья, рассказала, что родила старуха сыночка, но не растет сыночек, поэтому и не рассказывали людям. Затем и Шундыр рассказал, как он к свинье попал.

Поверила хозяйка повитухе и, делать нечего, отдала Шундыра. Пришлось, конечно, старикам хозяйке мешок муки отвезти. Как долго, мол, я его кормила, хозяйка сказала. Хотя за счет Шундыра сама и жила и еще всю семью содержала, ведь вкусную снедь все жители деревни приносили. Да ведь не будешь уж считаться с тратами, когда такое счастье старикам привалило: снова сыночек нашлся. Запахнул старик на своей груди Шундыра, и домой отправились.

Опять счастливо стали жить втроем. Шундыр все крепче становится, ума набирается изо дня в день, а все маленький. Долго так жили. Но пришло время, и старик сильно постарел, уж не мог он охотиться и рыбачить. Опечалились старик со старухой: Шундыр маленький, охотиться, рыбу из реки добывать не может.

Шундыр как узнал про печаль отца-матери, так и стал проситься:

— Своди, отец, меня на рыбалку.

— Нет, — говорит отец, — ты ведь такой маленький, в воду упадешь и утонешь. Не возьму я тебя на рыбалку.

Прошло денька два, опять просится Шундыр:

— Отец, возьми меня на рыбалку.

Мать услышала, ястребом на мужа накинута:

— Не посмеешь ты взять малыша, шлепнется в воду, не успеешь его схватить.

Прошло еще недели две, в третий раз просится Шундыр:

— Своди меня, отец, рыбачить.

Старухи на тот час не было дома, и взял старик с собой Шундыра.

Спустились они к реке, снасти сложили в лодку. Шундыр сел на нос лодки, и отправились они против течения.

— За край лодки хорошо держись, — учит отец.

— Не упаду, — отвечает сын.

Плывут над глубоким местом, отец веслами гребет.

Тут Шундыр и спрашивает:

— Отец, а глубоко ли тут?

— Я не достаю до дна, а куда уж тебе.

— Отец, а что там, на дне? — хочется знать мальцу.

— Я не видел, а куда уж тебе, — отвечает отец.

— Если не посмотришь, то и не увидишь, — сказал Шундыр да и — тольс! — прыгнул в воду и — дзумк! — кинулся в самую глубину.

Старик было кинулся за ним, но где его возьмешь. Уплыл Шундыр — и нет его.

Плакал, плакал старик, звал да звал сыночка, горевал да горевал, ругал да ругал себя: зачем только взял мальчонку на реку. Какая уж там рыбалка, с пустыми руками домой вернулся.

Муж с женой в голос ревут, дорогого сыночка жалеют.

А Шундыр, оказывается, как рыба умел плавать. Кинулся в воду и плавает, вокруг все рассматривает. Рыбы в глубине — не счесть. Смотрит: все в одну сторону плывут. Сел Шундыр на одну щуку, за грудные плавники схватился.

Плавники у хищницы скользкие, вот-вот руки соскользнут, но изо всех сил держится, не отпускает.

Нырнула щука под какую-то кочку, а за ней красивое царство показалось. Из разноцветных камней да ракушек поднято-построено. Всякие-разные подводные растения растут, какие на земле никогда не увидеть. Дно под ногами тоже из камней.

Разжал тут Шундыр руки, отпустил плавники и встал на камни. Смотрит кругом, удивляется. Сделал шага два и поскользнулся, чуть в тину не шмякнулся. Кругом очень красиво все, но везде тина, скользко. Камни до такой степени стали гладкими, что кататься можно. Разбежался Шундыр и покатился. Быстро катится, зеленая тина только знай себе брызжет в разные стороны.

Всего-то раза два успел оттолкнуться ногой и уже прикатил к высоким воротам. В двери кольцо тоже в тине, склизкое. Открыл Шундыр ворота, а там большая комната, полна рыб и слизи. В середине, на высоком стуле в виде пня, страшный старик сидит: зеленый, как подводная трава, лысый, с большими отвислыми ушами, глаза круглые и красные, как у сороги, нос приплюснутый, рот широкий, как у лягушки, руки-ноги длинные, как черви. Ох и некрасивый!

Длинная борода, вся в тине, только и указывает, что это старик.

— Ты, что ли, Водяной будешь? — спросил Шундыр.

— Кто здесь? — спрашивает Водяной.

Маленького мальчика из тины он и не видит.

— Я Шундыр, — говорит.

— Кто такой будешь?

— Сын своих отца с матерью, — вызывающе отвечает Шундыр. — А ты кто?

— Как, ты меня не знаешь? — замахнулся на него Водяной, а затем наклонился, изловчился и как даст крепкий щелбан Шундыру прямо в лоб.

Шундыр сначала опешил от боли и неожиданности, а потом так разозлился: ведь его до сего дня никто даже пальцем не трогал, а этот страшилище посмел. Схватил он кусок тины и как шваркнет Водяному в рожу, сразу со рожий глаз ему залепил. Второй раз бросил — другой глаз плотно залепил. Ничего не видит бородастое чудище.

Кричать начал Водяной своим слугам:

— Эй, поймайте Шундыра да скрутите, выжмите его!

Кинулись на Шундыра все подводные жители: и рыбы, и слизи, и улитки, и чертята.

А Шундыр и в самом деле шустрый, как белка, прыгнул Водяному на плечо и под носом его пощекотал. Водяной стал чихать, никак перестать не может. Шундыр его ухо приподнял да туда очень громко крикнул:

— Водяной, Водяной, рыбу дай!

Вздрогнул Водяной, с высокой чурки грохнулся на камни. А Шундыр уже опять в него кидает тиною да кричит.

— Водяной, Водяной, рыбу дай!

Очень сильно рассердился подводный царь, как юла начал кружиться, места себе не находит, замутил илом всю воду. До того замутил, что и рук уже своих не видеть, и дышать совсем стало нечем. Сам Водяной начал задыхаться, не говоря о маленьком Шундыре. Поднялся Водяной из воды, чтобы вздохнуть чистого свежего воздуха, а Шундыр, оказывается, на плече у него стоял, оттолкнулся он ногами да и поплыл к берегу. Как только коснулся ногами крепкого дна, так опять крикнул:

— Водяной, Водяной, рыбу давай!

Сплюнул зеленой слюной Водяной с досады, мол, не отвяжешься от него, и кинул в Шундыра большой рыбой. А тот что, не будет ведь ждать, пока в него попадут, резво отпрыгнул в сторону. Взял рыбу Шундыр, с него ростом оказалась, домой на спине несет, еле тащит, хвост рыбины по земле волочится, следы добытчика заметает.

В конце концов дотащился Шундыр с богатой ношей до дома, а там старики плачут. Зашел и — хлоп! — рыбу на лавку сбросил:

— Ну, родные мои, не плачьте, а давайте-ка уху варите.

Плачут и обнимают Шундыра старые муж с женой. Радуются не нарадуются, что сын обратно домой пришел, да еще и с промыслом. С этого дня Шундыр начал рыбой стариков кормить. Пойдет к реке в укромное место да и крикнет:

— Водяной, Водяной, рыбу давай!

Рыба сама приплывает к Шундыру, зачерпни, сколько надо.

Счастливо начали жить старые муж с женой с Шундыром, сытно.

Долго ли, коротко ли, но Шундыр начал в лес проситься.

— Своди, — говорит, — меня, отец, в лес, научи охотиться.

— Ишь, чего придумал! — говорит отец. — Какой из тебя охотник! Пищаль поднять не сможешь, зайчонок и тот больше тебя будет, не говоря уже о медведе.

Много ли, мало ли прошло времени, опять просится Шундыр:

— Своди, отец, меня в лес, научи охотиться.

— Тихо, молчи, — предостерегает его старик, — не возьму я тебя, потеряешься ты в лесу. Что я тогда твоей старухе-матери скажу?

Сам он уже старый был, только в близлежащие лесочки ходил, силки на рябчиков ставил.

Третий раз просится Шундыр:

— Отец, не поведешь на охоту — сам пойду.

Испугался старик, что сын один пойдет в лес и, ничего не зная, потеряется. Взял-таки сына с собой, научил ходить по лесу да силки ставить. Шундыр толковый оказался, сразу и научился. По сердцу это пришлось старику.

— Ну, завтра сам и обойди знакомый путик, погляди, попадется или нет что-нибудь. Да смотри, далеко не ходи, обойди только то место, что сегодня прошли, — и домой.

Обещал Шундыр.

На следующий день обошел маленький человек силки — ничего не попалось. А с пустыми руками не хочется домой идти. Что же делать? Пошел Шундыр дальше в лес за промыслом. Ходил, ходил, ни с кем не встретился. Надоело ему просто так ходить по лесу — начал озорничать. Поднимется на верхушку дерева, затем присмотрит подходящий сук, повиснет на нем, раскачается и на другое дерево перепрыгнет.

Вот висит он так на руках на суку очередной березки и вдруг видит: какой-то зверь вприпрыжку приближается. Сам серенький с длинными ушами. Заяц! Под Шундыром как раз и остановился, ушами шевелит. Прислушивается. А Шундыр, долго не думая, прыгнул на него и крепко за уши схватился. Заяц с испугу — вскачь! Бежал, бежал с испугу, куда глаза глядят, пока у бедного сердце не лопнуло. Хорошо, что близко от деревни упал. Издалека бы Шундыр не смог дотащить тушку зайца.

Притащил домой. Вот старикам радости! Ведь каков сынок добытчик стал! Даром что маленький, упитанного зайца принес! Отца, матери кормилец вырос! Восторгу нет конца, улыбка не сходит с лица у стариков. Суп из зайчатины сварили, кушают, причмокивают от удовольствия да сыночка нахваляют.

А мальчишка не радуется, он ведь хорошо понимает, что в другой раз так не повезет, второй раз так не поймаешь зайца, а по-другому он охотиться не может. Надо что-то придумать, ведь мать с отцом из года в год стареют. Голову ломает, думу думает, как же быть. Так и уснул.

На другое утро встал Шундыр, покушал зайчатины и опять в лес пошел. Не волнуйтесь, говорит родителям, может, долго не приду. Идет и думает: «До Водяного дошел и рыбку теперь имею, а может, мне стоит до Вэрсы — Хозяина лесов сходить».

Сказано — сделано. Отправился Вэрсу искать. А где его найдешь, лес вон какой большой. Шел, шел, избушку увидел. Видать, лесной житель какой-то тут обитает. Подошел и видит: крыльцо развалилось, зайти невозможно. Но Шундыр проворный, не отступился, осмотрел все: в одном месте — тутш-тотш! — постукал, в другом месте — грым-грам! — приладил, в третьем месте — дзурлик-дзурлик! — поправил. Починил — крыльцо лучше нового стало.

Зашел в избушку, а там старушка живет, из медной плошки грибовницу хлебает.

— Доброго здоровья! — обратился Шундыр.

— Заходи, заходи, добрый человек, садись да отдыхай, — говорит старуха. — Двадцать лет никто не приходил, двадцать лет крыльцо развалившееся. — Затем позвала к столу покушать.

Сел Шундыр, поел грибовницу.

— С чем пожаловал в глушь лесную? — спрашивает старуха.

— Вэрсу хочу повидать. Не подскажешь ли, как мне до его обиталища добраться?

— Хм, сама я не ведаю, где Вэрса живет, но у меня есть старшая сестра, может, она знает. Дам я тебе клубок, он по тропам лесным покатится, а ты за ним смело и иди.

Пошел Шундыр за клубком. Шел, шел, опять избушку увидел, старее прежнего, даже дверь искривилась. Не починишь — не зайдешь.

Тутш-тотш! — постукал Шундыр, грым-грам! — приладил, дзирлик-дзурлик! — поправил, и дверь лучше прежнего стала.

Зашел Шундыр в дом, а там старуха сидит, старее прежней, воду с брусникой из глиняной плошки хлебает.

— Видза олан (здравствуйте)! — обратился Шундыр.

— Заходи, заходи, добрый человек. Двадцать лет никто ко мне не приходил, двадцать лет дверь была искривлена. Садись, поешь со мной.

Сел Шундыр, похлебал бруснику с водой, затем и спрашивает:

— Бабушка, а не знаешь ли ты, где Вэрса живет?

— Хм, сама я про то не ведаю, но, может, моя старшая сестра знает. Дам я тебе клубок, он сквозь чащобу лесную покатится, а ты за ним смело и иди.

Шел, шел за клубочком малец и увидел озеро. Около озера старая-старая кривая избушка стоит, не понять — как еще не развалилась.

Шундыр долго не думал: тутш-тотш! — постукал, грым-грам! — приладил, дзирлик-дзурлик! — поправил. Дом, словно туес, прямой стал.

Зашел Шундыр внутрь, а там древняя, скрюченная старуха сидит, из деревянной плошки воду с травкой хле-

бает. На лице морщина на морщине, рука дрожит, голова трясется.

— Здравствуйте, — обратился Шундыр.

— Входи да садись, добрый человек, — сказала старуха. — Двадцать лет никто ко мне не приходил, двадцать лет избушка накренившись стоит.

Сел Шундыр, похлебал водичку с травкой, да и спрашивает:

— Бабушка, почему это ты водичку с травой хлебаешь?

— Грибы и ягоды уже не могу собирать, не вижу. А травы нащипать — большой зоркости не нужно. А ты с какой надобой ходишь-бродишь по глухому лесу?

— С Вэрсой, бабушка, хочу встретиться, не знаешь ли ты случаем, где он живет?

— Знаю, — отвечает старуха, — за озером. Но не ходи к нему, добрый человек. Он ведь тебя может испортить, недочеловеком сделать или же так запутает, что дорогу из лесу никогда не найдешь, всю жизнь по лесу будешь плутать.

— Я не боюсь, — говорит Шундыр. — Схожу. Раз уж так далеко я добрался, глупо назад ворочаться.

Вышел было Шундыр в дорогу к указанному озеру, да жалко ему стало древнюю старуху, завернул он в чашу, набрал в шапку черники, грибов пособирал, занес старухе. Приятно стало ей, слезы выступили на глазах, благодарит Шундыра, милым сыночком называет. При выходе уже крикнула:

— Запомни, Шундыр, Вэrsa щекотки боится.

Поблагодарил паренек старуху за полезный совет и отправился к жилищу Вэрсы. Обошел озеро и увидел маленькую, но крепкую избушку, срубленную из толстых лиственничных бревен. Ближе подошел, глядит — избушка вся трясется, так ходуном и ходит! Оказывается, от громкого храпа спящего Вэрсы.

Не сробел Шундыр, осторожно зашел внутрь и увидел Вэрсу. Большой и сильный, мохнатый и бородатый. Тихонько, на цыпочках приблизился храбрый малец к нему и, памятуя совет благодарной старухи, пощекотал за голую пятку. Тряхнул во сне ногой Вэrsa и так же спит. Шундыр снова пощекотал, теперь уже всю ступню. Хозяин лесов сел, почесался и опять лег. Тогда мальчик мохнатые подмышки великана пощекотал. Громко, во весь рот рассмеялся Вэrsa. Опять пощекотал: будто гром загрохотал, так расхохотался старый. Шундыр на миг даже дар речи потерял. Затем опять начал щекотать, увлекся, щекочет и щекочет: Вэrsa крутится, вертится да хохочет. Безостановочно щекочет Шундыр, мохнатый бородач от непрерывного смеха уже раскашлялся, захлебывается, крутится, катается, пинается. Задышаться стал.

— Ой, перестань! Ой, перестань! — кричит. — Кто ты, скажи? Что попросишь, то тебе и дам.

Перестал мальчик щекотать. Вэrsa только шумно вздыхает, в себя приходит.

— Не забыл, что обещал? — спрашивает Шундыр.

Молчит Хозяин лесов, думает: кто же это может быть? Самого не видно, а защекотать сумеет до смерти. Что ему нужно?

Не услышал ответа Шундыр и опять начал щекотать.

Вэrsa стонет:

— Да перестань же, перестань-а-ань, говорю ведь, что нужно, то тебе и дам.

Прекратил Шундыр.

— Кто хоть ты таков будешь? — спрашивает лесной великан.

— Я-то? Шундыр.

— Никогда не слышал про такого.

— И немудрено, Вэrsa. Я к тебе издалека пришел.

— Что же тебе от меня надо, Шундыр?

— Погляди, я сам маленький, охотиться не могу, а отец состарился. Мне промысел нужен, чтоб ни я, ни отец с матерью с голоду не померли.

Выслушал и отвечает ему Вэrsa:

— Что ж, коротыш, понятна твоя надоба. Ты вот что: на ту сторону озера впредь приходи, — говорит великан, — как придешь, так и крикни: «Хозяин, за промыслом пришел». Будет тебе и белка, и дичь. Но если на эту сторону перейдешь, ничего тебе не будет.

— Хорошо. Сейчас перейду на ту сторону озера и крикну. Если дичи не будет, вернусь и защекочу до смерти, — говорит Шундыр.

— Как я сказал, так и будет, только уйди отсюда, — отсылает Вэrsa.

Перешел Шундыр по берегу на другую сторону озера, взял сухой сук, стукнул об сосну и крикнул:

— Хозяин, за промыслом пришел.

Только так сказал — фуррр-ширрр! — тетерева, куропатки, рябчики прямо на плечи садятся, белки — цукцок! — на ладони с ветвей прыгают. Взял Шундыр дичи столько, сколько можно унести, сложил в котомку. Пару-другую рябчиков старой бабушке занес. Пока до дому шел, еще с двумя старушками-сестрами поделился дичью. В конце концов и в родительский дом пришел. Мать с отцом уже опять горюют, щеки солонь: Шундыр пропал. До такой степени переживали, что совсем занемогли. Даже сил не было, чтобы печку растопить.

А Шундыр и печку затопил, и наваристый мясной суп сварил, и старых своих родителей с ложечки досыта накормил. Вернулись к ним силы.

Так и начали жить-поживать. Рыбу захочется покусать — выйдет Шундыр к реке, крикнет:

— Водяной, рыбу давай!

Стайкой рыба приплывет к Шундыру, тот только зачерпнет, сколько надо.

Захочется дичи отведать — сходит в лес к знакомому озеру да полную котомку дичи тащит. Старых сестер тоже угостит по пути: идет к озеру — рыбы занесет, обратно пойдет — дичью поделится. А грибы собирать да ягоды Шундыр и сам удалой.

Жили-поживали так Шундыр и его старые родители. Но случилось однажды, что у них соль закончилась. А без соли еда в рот не идет. Маются старики: надо откуда-то соль добыть.

Вот стал старик готовиться в город на лодке плыть, на ярмарке соль купить. Лодку перевернул да хорошо просмолил, прочность уключин проверил. А как же иначе: в дальний путь надо готовиться основательно. В один мешок сложил сушеную рыбу, в другой — вяленое мясо, в третий мешок — дорогие шкурки зверей.

Шундыр опять просится:

— Возьми меня, отец, город посмотреть.

— Не возьму я тебя, сынок, — говорит отец, — плыть по воде до города очень долго. Утонешь еще ненароком или опять в воду прыгнешь.

— Нет, отец, не прыгну. Тихо буду в лодке сидеть. Возьми меня, отец, ярмарку посмотреть, — опять просится мальчик.

— Не проси, сынок, не возьму. В городе и так много людей, а во время ярмарки еще больше. Затопчут там тебя, маленького.

— Отец, не пропаду я, возьми меня на ярмарку, — в третий раз просится Шундыр, — покажи мне, где соль продают. Скоро ты совсем постареешь и не сможешь сам за солью съездить, а я один потом не найду.

— Ладно, сынок, твоя правда, уговорил, съездим.

Взял отец Шундыра в город. Сложили поутру вещи в лодку, оттолкнулись от крутого берега и отправились.

Ходко плывет лодка по реке, отец гребет, сын сзади сидит, направляет. День плыли, второй плыли. С реки Паль в Печору попали, ночи на берегу у костра коротали. Наконец на высокой круче, за прочным бревенчатым забором город показался. Подъехали отец с сыном к городскому берегу, а вдоль реки лодок не счесть, так много отовсюду людей приехало! По всему видать — ярмарка открылась.

Поднялись с отцом в город. Шундыр только головой вертит, смотрит, глаза раскрыв: первый раз ведь приехал. Вокруг двухэтажные красивые дома с высокими крыльечками, наличники резные, разукрашенные. На самой ярмарке от товаров в глазах рябит. В одном месте деревянной утварью торгуют: ведра, бочонки, коромысла. В другом месте утварь из железа: ножи да топоры, серпы да косы. В третьем месте еда да питье: рыба, дичь, грибы, ягоды. В четвертом месте — скот.

А людей-то! Прав был отец. Как в лесу деревьев! Как клюквы на болоте! Ходит Шундыр, держась за штаны отца, рот разинув. Встали они в одно место — продали рыбу и дичь, встали в другое место — звериные шкурки на звонкую монету обменяли. Потом пошли соль покупать. Целый туес жидкой соли купили.

— Ну, — говорит отец, — удачно торговали, купим теперь тебе калачей обвязку, матери в подарок — медовые пряники, и где-нибудь будем искать ночлег. А завтра в

обратную дорогу. — Самому радостно: Шундыр вот он, рядом, не пропал, и купили что надо в достатке.

Попросились в одну избу ночевать. Седовласая старуха Дзорук одна жила, пустила их на ночлег. Угостили ее купленными на ярмарке пряниками да калачами, и разговорила бабушка, обо всем спрашивать стала:

— А этого маленького мальчика ты, старик, зачем в такой дальний путь взял?

— Да он ведь по возрасту и не маленький вовсе, — говорит отец, — взрослый парень уже был бы, если бы вырос. А во, не растет.

— Э-э, сглазили его... — заключила старушка. — У меня когда-то были бубенцы для отвода сглаза, но вот беда — не знаю, где теперь они.

— Кто-то украл или что? — спрашивает Шундыр.

— Да нет, не украли, сама отдала.

И рассказала седовласая бабушка Дзорук вот что.

Когда-то давным-давно жил в этом городе купец. Богатый человек. И было у него три дочери. Его дочерей и нянчила-растила эта бабушка. Тогда она, конечно, намного моложе была. Жена купца опять ребеночка ждала, но родила сыночка и умерла. Сильно жалел жену купец, очень он ее любил, а затем всю свою любовь на дочерей перевел. Так их любил, что глаз с них не спускал. И людям их не показывал.

В свой срок выросли дочери добрыми да пригожими. Сначала старшая, Марпида, в девичий возраст вошла. Там и другие за ней подтянулись. Разошлась-таки молва в народе о девушках-красавицах, стали сваты приходить. А у отца один ответ: никого замуж не выдам, чтобы, как мать, не умерли при родах.

Старшая дочь как-то раз отцу начала перечить, мол, я все равно замуж выйду. Отец так рассердился, расสวิрепел, кровь вскипела, в голове помутнение произошло. Позвал он туна-колдуна, который умеет зло творить, и приказал: мол, спрячь моих дочерей в такое место, чтобы их ни один парень не увидел.

Тун начал заговоры читать, а няня их, кормилица-пестунья, каждой из них бубенчик волшебный отдала. Исчезли из дома девушки. Где они — никто не знает. Отец девушек после этого так опечалился, заболел и умер. Сына уже посторонние люди вырастили. Может, он даже и не знает, что у него три родные сестры есть. Сейчас, говорят, он сам очень богатый купец, в три раза богаче отца.

— Бабушка, а откуда же у тебя те бубенчики были? — спросил после рассказа Шундыр.

— Бубенчики те мне моя бабушка дала. Сказала, если все три бубенчика зараз будут звенеть, все чары рассыплются, пропадут. Все время у себя и берегла, чтобы меня не сглазили. Да вот тогда мне жалко стало девушек, и я им отдала. Если они поймут, что надо одновременно бубенчиками звенеть, тогда освободятся от чар колдуна.

— Бабушка, а почему ты об этом не расскажешь их брату? — воскликнул Шундыр.

— Хотела я как-то зайти, рассказать все, но меня и близко в дом не пустили, чуть собак не спустили. И где же теперь мои девочки-красавицы, которых я вырастила?.. До сих пор ничего о них не ведаю, — с печалью произнесла бабушка и начала стелить постель, чтобы уложить спать приезжих людей.

— У одного бубенца сила невелика, а если три бубенчика вместе собрать да одновременно ими зазвенеть — любовью сглаз и все плохое вмиг навсегда улетучится, — еще раз добавила старуха.

Под утро старик с мальцом вышли в речную дорогу, домой. Против течения тяжелее грести, чаще пришлось останавливаться, но в конце концов приплыли отец с сыном к берегу родной деревни. Мать без них тоже хорошо по хозяйству справилась.

А Шундыр между тем день и ночь думает про трех сестер, никак не может забыть рассказ старухи Дзорук из города.

Вот пошел Шундыр в очередной раз в лес к озеру. Гостинцы взял для трех старух: калачи и пряники, а в чашке — мед. Пришел к младшей сестре, гостинцы на стол выложил.

А старушка и говорит:

— Ой, какие лакомства ты, Шундыр, принес! С детства такие не ела.

— А у тебя есть бубенчик? — спрашивает вдруг мальчонка.

— Есть, — говорит старушка. — Вот, — взяла с полки и показала.

На деревянный круг натянута выделанная шкурка, по краям висят маленькие одинаковые бубенчики. А один — на особинку.

— А у твоих старших сестер есть вот такой бубенчик? — держа в руках игрушку и рассматривая, спрашивает Шундыр.

— Не знаю. Мы ведь друг к другу не ходим.

— Давай возьмем этот бубенчик и пойдем к твоей сестре, — говорит малец.

— Нет, что ты, нет, мне нельзя! — испугалась старушка.

— Можно! Пойдем! — почти силком Шундыр увлек ее с собой.

Пришли они к средней сестре. Спросили, есть ли у нее похожий бубенчик.

— Есть, — говорит. Показала.

Два бубенчика — совершенно одинаковые.

— Сходим к старшей сестре, — зовет Шундыр.

— Нет, что ты, нет, нам нельзя, — противятся старухи.

— Сходим, сходим, — и опять силком повел.

Пришли к самой старшей сестре. Такой же бубенчик и у нее оказался.

— А ну-ка, сестры, — говорит Шундыр, — давайте-ка вы сейчас одновременно втроем начинайте звенеть каждая в свой бубенчик. Да не удивляйтесь, если вдруг что необычное будет, — сам еще до конца не верит своей

догадке мальчонка. Поэтому и не сказал сестрам заранее ничего. Может, и не от сглаза вовсе эти звенящие игрушки.

Начали звенеть бубенчиком три сестры одновременно, да тут же в одно мгновение и помолодели, красивые-красивые стали, ни морщинки, ни седой волосинки не осталось у них.

Удивляются, смотрят друг на друга: что, мол, это с нами такое случилось. Хотят у Шундыра спросить, а его нет, он куда-то пропал. Нигде нет. Кличут — не отзывается. Только его рваная одежда на полу осталась.

А Шундыр сам растерялся. Не знает, что и делать. Когда сестры начали звенеть бубенчиками, он сначала заметил, что его одежда начала трещать, по швам расплзаться, затем кусками, лоскутами попадала на пол. Шундыр в одно мгновение вырос. Оказывается, сила трех бубенчиков и в самом деле огромная, с мальчика тоже сглаз сошел.

Шундыр краешком глаза заметил, какие красивые стали сестры, да тут же бегом выбежал прочь из дому, чтобы девицы-сестры его голым не увидели.

Побежал Шундыр и спрятался за деревьями. Что же делать? Ведь сейчас придется сестер в деревню вести. А голым к ним подойти — стыдно.

Вспомнил тут Шундыр про Вэрсу, побежал к нему.

— Вэрса, Вэрса! Кинь мне какую-нибудь старую шубенку. Я к тебе за промыслом больше не буду ходить, я сам стал большим и сильным. Сам теперь буду охотиться!

Кинул Вэрса молодцу через озеро старенькую шубенку. Запахнул в нее Шундыр и побежал к сестрам. А те его испугались, смущаются, такого статного и красивого парня в жизни не видали.

Рассказал им Шундыр, как все было, и решили сестры идти в деревню, а затем Шундыр пообещал на лодке переправить их в город.

Пришли в деревню. А Шундыра родные мать с отцом не узнают. Как сумел, объяснил он им чудесное превращение.

Начали судить-рядить, кто же мог Шундыра сглазить ребенком еще, при самом рождении? Повитуха?! Скорее всего — да, она. Пошел к Маланье Шундыр, а та увидела большого красивого парня и сразу все поняла. Кинулась на колени и начала вымаливать прощение:

— Не убивай меня, Шундыр!

— Отвечай, за что ты меня сглазила? — сурово вопрошает молодец.

— Отца я твоего любила, а он на мне не женился. Вот и сглазила, чтоб детей у него с женой не было. Но Бог услышал их молитвы и тебя дал, а я сглазила, чтоб ты не вырос.

— Ох, какая ты злая, оказывается. Убить бы тебя за такое надо, — замахнулся Шундыр.

— Прости, прости меня, — просит-голосит повитуха.

— Ладно, прошу уже, — говорит Шундыр, — только вот тебе задание: сшей мне да трем сестрам, которых я

привел из лесу, новую одежду. Через три дня приду. Да забудь свои темные колдовские дела!

Жили-поживали три сестры у Шундыра. Первым делом, конечно, помылись-попарились в баньке, старую рваную одежду сожгли. Сначала надели мамы Шундыра чистые рубашки, а через три дня принес им Шундыр новые кофточки и сарафаны.

Нарядились девушки — всем на зависть, одна другой краше. Шундыр тоже очень стройный и красивый в новой одежде. Постаралась Маланья вину свою загладить.

Наконец собрались в дорогу. Еды взяли: рыбки да колобки, бутылки с квасом — все сложили в лодку, оттолкнулись от кромки берега. Плывут в верткой лодчонке, сердца у молодых замирают: уж какая теперь жизнь ожидает их впереди.

По реке Паль плыли, затем на Печору вышли. А широта! А красота! Девушки-сестры до этого никогда еще не плавали в лодке, и побаиваются, и удивляются всему вокруг одновременно.

Днями плыли, ночами на берегу у костра ночевали. Но вот и многолюдный город показался. Приехали. Сестрам и здесь все в новинку, все на удивление. Повел их Шундыр к седовласой бабушке Дзорук, у которой они с отцом в прошлый приезд останавливались. Старушка сразу и узнала девушек: на мать, мол, похожи красавицы.

Сидели, разговаривали, как же им к брату пойти. Примет он их или нет, рассказал ли кто ему про объявившихся родных сестер? Старушка Дзорук посетовала, что она однажды ходила, да ее даже в дверь не пустили.

Тут Шундыр озорно говорит:

— Чего нам бояться! В дверь не пустят, мы в окно зайдём.

Отправились. Седая старушка впереди, затем Шундыр, затем друг за дружкой сестры. Пришли к очень высокому добротному двухэтажному дому. Внизу магазин. Через магазин в жилую часть не пускают. Обошли дом. Вокруг крепкий плотный забор из ровных бревен, даже маленькой щели нет. Ворота закрыты наглухо. За кольцо — голь-голь! — подергали — никто не открыл. Только собаки-сторожа в ответ зло лают.

— Что ж, придется, видимо, на самом деле в окно лезть, — говорит трем сестрам Шундыр.

Смелый парень, проворный, как белка, никого не боится!

— Только, сестрицы, дайте мне все три бубенчика.

Приладил к ремню бубенчики да около стены на забор забрался, а оттуда до окна дотянулся, открыл оконную раму, подтянулся на руках и в дом забрался.

В первой комнате никого не оказалось. А во второй комнате парень молодой сидит.

— Эй, ты здесь хозяин? — деловито спрашивает Шундыр.

— Я! А ты кто такой? Как ты сюда забрался? — вскричал зло молодой человек: лицо напряжено, глаза острые, будто сейчас бросится терзать, как собака.

— Я с неба упал, чтоб тебе сказать, что у тебя есть три сестры.

— Не выдумывай! Выйди, наглец, уходи прочь отсюда! — затопал ногами молодой человек. — Вон! Пока я на тебя собак не спустил!

— Не торопись, а лучше выслушай меня, — спокойно и серьезно ответил Шундыр. — А потом, если еще останется желание, можешь спустить собак.

И он рассказал молодому купцу про бабушку Дзорук, о сестрах, живших в лесу, о бубенчиках. Пока рассказывал, вытащил из-за ремня бубенчики и начал звенеть ими.

Смотрит, а у молодого человека лицо под звон бубенчиков тут же стало меняться, мягче стало. Взгляд подобрел. Высокомерие куда-то пропало, уже с участием обратился он к Шундыру.

— У меня и правда есть три сестры? Я хочу их повидать. Где же они?

— За забором твоего дома ждут, — говорит Шундыр.

Позвал молодой человек слуг, отправил их на улицу, велел крепко привязать собак и открыть ворота.

Зашли сестры, обнялись-расцеловались с братом. А затем была долгая добрая беседа. Богатый стол накрыли, а на столе без малого сто разных блюд. Самыми главными и почетными гостями стали Шундыр да бабушка Дзорук. Три дня гостевали, три ночи. Потом Шундыр и говорит:

— Мне пришла пора домой возвращаться, завтра в обратную дорогу. — И спрашивает младшую сестренку: — Выйдешь ли ты за меня замуж? Поедем в мою деревню, я такой же двухэтажный дом построю, как у твоего брата, буду ловить много рыбы, вдоволь дичи домой приносить.

Младшая сестра согласилась ехать с Шундыром. Остальные остались жить у брата, а с ними и седовласая бабушка Дзорук.

Сын купца, после того как разрушились злые чары, стал очень хорошим, добрым, всех приютил, всем нуждающимся и обиженным теперь помогает.

Шундыр, как обещал, так все в точности и сделал. Построил новый большой двухэтажный дом. Стали в нем жить да припеваючи поживать счастливые муж с женой, дети у них здоровые да пригожие родились. Родителей к себе забрали. А в скором времени прослышали они, что и старшие сестры в городе тоже замуж вышли за достойных сыновей купцов. Хорошо, говорят, живут. И нам того же желают.

27 августа, 4, 6 сентября 2015 года, Тюмень

*Авторизованный литературный перевод с коми
Павла Черкашина*